

Организация вещевого снабжения российской армии в годы Первой мировой войны

С. И. Белов

Для цитирования: Белов С. И. Организация вещевого снабжения российской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 334–352. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.203>

В статье рассматривается малоизученная проблема в истории Первой мировой войны — организация вещевого снабжения российской армии. Для получения выводов о тенденциях развития и общих проблемах вещевого снабжения армии в период 1914–1917 гг. автор применяет микроисторический подход, сосредоточив интерес на Шуйском уезде Владимирской губернии. На основании анализа архивных документов автор приходит к выводу, что в течение первого года войны поставки велись без создания специальных организаций. Организовавшая их губернская земская управа работала напрямую с крупными поставщиками и кооперативами. Ситуация изменилась летом 1915 г., когда стало ясно, что необходимо более широкое использование сил крестьянской промышленности. В июле — августе 1915 г. во Владимирской губернии создается сеть Комитетов снабжения армии. Это стало следствием попытки государства и общественных организаций выстроить единую вертикаль снабжения. После этого номенклатура поставляемых в армию из Шуйского уезда вещей значительно расширяется. Реальный же опыт исполнения этих заказов показал, что административно-технологическая цепочка по заготовке сложных предметов снаряжения постоянно дает сбои. Это привело к отказу от работы над сложными заказами: с лета 1916 г. Шуйский комитет переходит к доставке в армию исключительно портяночного сукна и шерстяных перчаток. Но и здесь к концу года начинают появляться проблемы — поставщики просто отказываются работать по предъявляемым им ценам. В результате в начале 1917 г. шуяне прибегают к радикальным мерам, запретив поставщикам скупку в уезде крестьянского сукна и перчаток для продажи в частные руки. Детальный анализ работы Шуйского комитета снабжения вскрывает основные причины несогласованности в работе земских организаций по снабжению армии в 1914–1917 гг.

Ключевые слова: Шуйский уезд, кустарная промышленность, заготовка вещей, Первая мировая война, Главный комитет по снабжению армии, земская управа.

Сергей Игоревич Белов — канд. ист. наук, доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; Belov2006s@yandex.ru

Sergey I. Belov — PhD (History), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; Belov2006s@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Organization of the Clothing Supply of the Russian Army during the First World War

S. I. Belov

For citation: Belov S.I. Organization of the Clothing Supply of the Russian Army during the First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 334–352. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.203> (In Russian)

The article deals with an under-researched problem of the history of the supply of the Russian army during the First World War — the organization of clothing supply. The author adopts a micro-historical approach, focusing his interest on the Shuiskii district of the Vladimir province. On the basis of the analyzed archival documents, the author comes to the conclusion that during the first year of the war, supplies were provided without the creation of special organizations. The situation changed in the summer of 1915. In July — August 1915, a network of army supply committees was created in the Vladimir province. This was the result of an attempt by the state and public organizations to build a single vertical of supply. After that, a range of items supplied to the army from the Shuiskii district expanded significantly — in addition to short fur coats, it includes sledges, carts, bushings, wheels, shell boxes. However, in the real process of fulfilling these orders the administrative and technological chain for the procurement of complex items of equipment was constantly faltering. This led to the refusal to work on complex orders — from the summer of 1916, the Shuiskii Committee switched exclusively to the delivery of cloth for foot wraps and woolen gloves to the army. In general, a detailed analysis of the work of the Shuiskii Supply Committee reveals the main reasons for the inconsistency in the work of zemstvos for supplying the army in 1914–1917.

Keywords: Shuisky district, handicraft industry, procurement of things, World War I, the main committee for the supply of the army, zemstvo administration.

Историография, посвященная вещевому снабжению российской армии в годы Первой мировой войны, чрезвычайно скудна. Внимание исследователей тылового снабжения преимущественно сосредоточилось на таких сюжетах, как обеспечение армии боевым снаряжением и продовольствием. Этим вопросам посвящены многочисленные статьи и капитальные монографии¹, тогда как проблема вещевого обеспечения армии исследовалась разве что в работах, посвященных взаимодействию в этом вопросе государства и общественных организаций². Проблема недостатков в армейском вещевом снабжении в Первую мировую впервые поставлена в классической работе Н. Н. Головина³. Определенное внимание проблеме отведено в монографии Г. И. Шигалина, но в ней преимущественно рассматриваются общие вопросы⁴. М. В. Оськин в статье о вещевом снабжении русского солдата в Первой

¹ Сенин А. С. Организация снабжения русской армии вооружением и боеприпасами в годы Первой мировой войны // *XX век и Россия: общество, реформы, революции*. 2014. № 2. С. 63–79; Валяев Я. В., Ганжов Е. А., Мошкин А. Н. Система продовольственного снабжения российской армии в годы Первой мировой войны (август 1914 г. — февраль 1917 г.) // *Via in tempore. История. Политология*. 2017. № 22. С. 139–146.

² Обзор историографии по теме: Шубин Н. А. Проблемы снабжения русской армии в условиях Первой Мировой войны. Опыт взаимодействия государства и общественных организаций (1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 3–6; Майоров А. А. Деятельность Земгора по оказанию помощи русской армии в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1997. С. 5–8.

³ Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне: в 2 т. Т. 2. Париж, 1939. С. 86–90.

⁴ Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956.

мировой пришел к выводу, что в условиях недостатка вещей «попытка властей обратиться за помощью к населению дала, скорее, пропагандистский эффект»⁵. Причины слабых результатов взаимодействия военного ведомства и общественных организаций в обеспечении армейского тыла остаются невыясненными. В капитальном исследовании И. Б. Беловой, посвященном российской провинции в 1914–1917 гг. (преимущественно по материалам Орловской и Калужской губерний), организации вещевого снабжения армии местными комитетами посвящено лишь несколько страниц⁶.

С другой стороны, целый ряд исследователей полагает, что в годы Первой мировой мелкая промышленность «работала для нужд обороны зачастую более эффективно, чем крупная»⁷. Это мнение, в частности, поддерживает М. В. Карташова, проанализировавшая систему государственных заказов военным кустарям начиная еще с конца XIX в. Она приходит к выводу, что «кустарные промыслы внесли значительный вклад в военную промышленность... в годы Первой мировой войны»⁸. Она ссылается на мнение зарубежных исследователей, отмечавших массовый отклик крестьян на кампанию земства по организации снабжения армии предметами снаряжения⁹. Однако массовый отклик еще не свидетельствует об эффективности начинания. В то же время трудно спорить с фактом свертывания промысловой деятельности крестьянства уже начиная с 1916 г. (в силу целого ряда причин)¹⁰. Общие данные о поставке определенного количества тех или иных предметов снаряжения, программные документы Земгора, цитируемые в большинстве упомянутых выше работ, мало проясняют ситуацию, беря слишком «низкое разрешение» для изображения картины организации снабжения на местах. Мы постараемся выяснить технологию заготовки необходимых для армии вещей на материалах одного из уездных комитетов снабжения Владимирской губернии — Шуйского.

Выбор этого комитета обусловлен особенностями экономического развития Шуйского уезда, которые на рубеже XIX и XX вв. вывели его в лидеры текстильного производства Российской империи. К 1910 г. предприятия Владимирской губернии обеспечивали более 30 % производства хлопчатобумажных тканей в Российской империи¹¹. В отчете владимирского губернатора за 1913 г. отмечалось, что старейшим кустарным производством в губернии является ручное ткачество, которое, впрочем, сокращалось ввиду значительного развития фабричного производства.

⁵ *Оськин М. В.* Вещевое снабжение русского солдата в период Первой мировой войны: климат и военная форма в окопах // *История повседневности.* 2019. № 1. С. 57.

⁶ *Белова И. Б.* Первая мировая война и российская провинция (1914 — февраль 1917 г.). М., 2011. С. 55–59.

⁷ *Погребинская В. А.* Социально-экономические проблемы России второй половины XIX — начала XX в. М., 2005. С. 24.

⁸ *Карташова М. В.* Государственные военные заказы кустарям в Российской империи конца XIX — начала XX вв. // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2017. № 5. С. 27–28.

⁹ *Scott J. S.* Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I // *Slavic Review.* 2000. Vol. 59, no. 2. P. 313–314.

¹⁰ *Сапон В. П.* Нижегородская деревня в годы Первой мировой войны: дофевральский период (по материалам газеты «Нижегородский листок») // *Русское крестьянство и Первая мировая война.* М., 2016. С. 380.

¹¹ *Мелкая фабричная сельско-ткацкая промышленность Владимирской губернии.* Владимир, 1914. С. 3.

Видное место занимали промыслы по обработке животных продуктов — скорняжный, сапожный и кожевенный. Шуйский уезд, занимавший северо-восточную часть губернии, славился как центр выделки овчин и производства меховых изделий. Особенно в этом отношении отмечались села Дунилово и Горицы. Расположенные друг напротив друга на разных берегах реки Тезы в 20 км к северу от Шуи, они были известны как промышленные центры еще начиная с XVII в. Всего в Шуйском уезде на 1913 г. насчитывалось 2668 кустарей, производивших продукции на 195,8 тыс. руб. По этим показателям уезд не слишком выделялся среди других местностей губернии, уступая другим уездам и по численности рабочих, и по объему производства (всего в губернии работало 81,2 тыс. кустарей, производивших продукции более чем на 5 млн руб.).

Нужно заметить, что с начала века численность кустарей в губернии увеличилось на 33 %, а вот число шуйских кустарей упало на 36 % (к 1900 г. в губернии насчитывалось 54 тыс. кустарей, в Шуйском уезде — 4198 чел.)¹². Причина прозрачна — уезд являлся лидером губернии по числу промышленных предприятий, оттягивавших в город сельское население. В двух городах уезда — Шуе и Иваново-Вознесенске — работали 88 фабрик и заводов, на которых трудилось более 46 тыс. рабочих. Общий объем их производства составлял 114,1 млн руб. — 79 % всего промышленного производства городов губернии. Кроме того, уезд занимал второе место в губернии (после Ковровского) по развитию мелкой сельско-ткацкой промышленности¹³. Таким образом, кустарная промышленность в уезде плавно трансформировалась в мелкое фабричное производство. Шуйский уезд был одним из лидеров губернии по численности рабочих на сельских предприятиях — их насчитывалось более 15 тыс., а объем производства на уездных предприятиях составлял более 15 млн руб.¹⁴ Приведенные данные свидетельствуют, что на территории уезда имелось значительное количество предприятий, которые могли обеспечить поставку армейской одежды (как летней, так и зимней).

Г. И. Шигалин в своей работе отмечает, что Главное интендантское управление в ходе войны «рассчитывало обойтись в основном запасами вещевого имущества, накопленными в довоенное время»¹⁵. Однако эти запасы были израсходованы уже в первый период войны, так что в скором времени на нужды армии пришлось ориентировать большую часть отечественной легкой промышленности. Если на складах к началу военных действий были накоплены запасы, рассчитанные на 2,5 млн мобилизованных, то всего к сентябрю 1917 г. в армию было призвано 13,9 млн чел. Вследствие этого очень быстро стало ясно, что необходима мобилизация отечественной промышленности, в том числе мелкой и кустарной. Уже с 1914 г. в губерниях с развитой, преимущественно кустарной промышленностью, земства исполняли непосредственно заказы военного ведомства на предметы снаряжения, а в некоторых случаях — и на предметы вооружения армии¹⁶.

¹² Краткий очерк кустарной промышленности Владимирской губернии. Владимир, 1901. С. 4–5.

¹³ Мелкая фабричная сельско-ткацкая промышленность Владимирской губернии. С. 6.

¹⁴ Обзор Владимирской губернии за 1913 год. Владимир, 1914. С. 9–10.

¹⁵ Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. С. 188.

¹⁶ Главный по снабжению армии комитет. Очерк деятельности (10 июля 1915 г. — 1 февраля 1916 г.). М., 1916. С. 13.

В начале августа 1914 г. во Владимирскую губернскую управу поступило сообщение Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), в котором выражалась просьба «оказать возможно широкое содействие по заготовке различных предметов, необходимых для нужд армии». Именно на эту организацию было возложено содействие Главному интендантскому управлению, отвечавшему за снабжение фронта. Вскоре с той же целью в управу обратился и Всероссийский земский союз. Созданная в июле 1914 г. губернская управа немедленно начала выяснение вопроса относительно возможности заготовок необходимых для армии вещей. Оказалось, что в губернии можно изготовить в месяц до 15 тыс. полушубков, до 12 тыс. пар валенок, 10 тыс. пар кожаных сапог и 3,5 тыс. льняных мешков. Шуйский уезд мог принять участие в изготовлении полушубков и валенок. Однако возможности серьезно расходились с реальностью. Поставкам препятствовали как несогласованность действий центральных учреждений, так и проблемы на местах — слабая организация губернского кустарного отдела и малое развитие кооперативов, которым можно было бы передать заказы. Заготовка полушубков началась с первых чисел сентября 1914 г., для приемки в распоряжение Шуйской уездной земской управы был командирован губернский инструктор овчинного производства А. Д. Слепов. Закупки организовывались через посредство как земских управ, так и кустарных кооперативов. Всего до конца года губерния поставила 15,7 тыс. полушубков на сумму 132 тыс. руб., 5 тыс. пар валенок и 5177 пар кожаных сапог (на общую сумму в 61 тыс. руб.)¹⁷.

Таким образом, обозначилась первая проблема — заказы на предметы снабжения делались разными организациями. И если в 1914 г. этих организаций было всего две — Земский союз и Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), то в следующем году исполнялись заказы также Московского городского управления, управления Красного Креста, 253-го запасного батальона и отдельной части войск в Минске. Расширяется и ассортимент предметов снаряжения: кроме полушубков (404,3 тыс. штук) и кожаных сапог (48,5 тыс. пар) поставлялись в гораздо меньшем количестве одеяла, баретки, валенки, портяночное сукно. Также было изготовлено 22,5 тыс. противогазов, 69 грузовых санитарных фур и 7 бытовых повозок. Общая сумма заказов составила 4161 тыс. руб., причем подавляющую часть общего объема продукции дали именно овчинные полушубки — 3648 тыс. руб. (87%). И почти все они были заготовлены именно в Шуйском уезде через кустарей и крупных предпринимателей, в Ковровском уезде было закуплено лишь 21,5 тыс. полушубков (чуть более 5%)¹⁸. Судя по всему, некоторое время закупка осуществлялась напрямую губернскими деятелями, но уже с середины 1915 г. к этому делу они решили привлечь уезд: 23 июня 1915 г. в Шую прибыли член губернской управы Ф. К. Пришлецов и заведующий кустарным делом В. Д. Крашенинников. Они должны были принять участие в приемке кожаных сапог и добиться привлечения к приемке полушубков местных общественников. Для первых приемок к 15 июля 1915 г. земская управа должна была выстроить на дворе управы специальный навес, одной стороной примыкавший к забору, крытый тесом в один

¹⁷ Отчет Владимирской губернской земской управы по кустарным мероприятиям. Владимир, 1915. С. 3–4.

¹⁸ Отчет Владимирской губернской земской управы по кустарным мероприятиям. Владимир, 1916. С. 19–21.

скат. Кроме того, для приемки требовалось пригласить в комиссию восемь человек «общественных деятелей, не принадлежащих к шубным предпринимателям»¹⁹.

Сбор сведений о возможностях поставки различных предметов снаряжения велся через земскую управу и ранее. Так, 23 июня 1915 г. Владимирская земская управа направила в уезды ведомости предметов, заготовку которых могли взять на себя Земский и Городской союзы, с указанием максимальных цен на них²⁰. Земство, в свою очередь, собирало сведения о возможностях поставки на местах. Если имелись крупные поставщики, то пытались договориться с ними, если были необходимы общие сведения о возможностях производства в домашних хозяйствах волости, то обращались к местным служащим. Так, получив заказ на изготовление «холста крестьянской выработки», уездная управа 13 августа 1915 г. запросила о возможности таких поставок все 13 кредитных товариществ уезда, но получила отказ. Относительно же заказа на поставку чулок и носков шуяне обратились к учителям народных училищ. Заведующий Харитоновским земским училищем В. В. Митусов сообщил, что в связи с сельскохозяйственными работами в ближайшее время можно надеяться на поступление до 2 тыс. чулок в неделю, с сентября же «пойдет усиленное вязание», так что население сможет выставить 8–10 тыс. пар по цене 50 коп. за пару. При этом он советовал при заказе избегать чулок из шерсти местных овец, которые «очень теплы и мягки», но быстро протираются, а также дешевых чулок из стриженной шерсти, которые «скоро расползаются»²¹.

Обычно об изготовлении партии снаряжения стремились договориться с одним поставщиком. Так, 18 августа 1915 г. губернская управа просила шуян принять заказ на 50 полных комплектов упряжи парных повозок на нужды армии по цене 65 руб. Изготовить упряжь по доставленному образцу и привезти ее в Шую уже к 15 сентября взялся крестьянин д. Камешкова Е. И. Крайкин²². В том случае, если партия оказывалась непосильной для одного промышленника, она распределялась на нескольких. Например, 7 августа 1915 г. губернская управа постановила сдать кустарям Шуйского уезда заказ на изготовление 30 повозок обывательского типа для нужд армии по цене 100 руб. за каждую. Повозки требовалось доставить в Шую также к 15 сентября. Для приемки губернская управа собиралась направить двух членов Военно-технического бюро, однако председатель Шуйской управы П. В. Языков сообщил, что к сроку может быть сдана лишь половина заказа. Главной причиной этого был «внеочередной» призыв нескольких кустарей из числа заготовителей (хлопоты об отсрочке им через Главный комитет Земского союза удовлетворены не были). Да и в целом ряды кустарей после последней мобилизации были ослаблены. Полный комплект повозок можно было изготовить лишь к 23 сентября 1915 г.²³

Как мы помним, в 1914 г. заказчиками могли выступать не только Земский союз, но и государственные органы. Еще 21 мая 1915 г. по просьбе Главного интендантского управления отдел сельской экономии ГУЗиЗ просил уездную управу

¹⁹ Дело о покупке через земство полушубков и других теплых вещей для армии // Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф.160. Оп. 1. Д. 3426. Л. 8–11.

²⁰ Дело об изготовлении предметов снаряжения и вооружения для армии // Там же. Д. 3352. Л. 29.

²¹ Дело о покупке через земство полушубков и других теплых вещей для армии. Л. 3, 4, 6.

²² Дело об изготовлении предметов снаряжения и вооружения для армии // ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3352. Л. 16–17.

²³ Там же. Л. 34, 41, 52.

сообщить о возможности поставки к 1 сентября 1915 г. партии шерстяных чулок и носков, связанных по деревням крестьянками. Но вскоре управа получила сообщение, что заготовка чулок и носков передана Интендантским ведомством Земскому союзу. Таким образом, наверху пытались избежать несогласованности в работе разных ведомств, препятствовавшей планомерному ходу заготовки в 1914 г. В результате в 1915 г. основным заказчиком армейского небоевого снаряжения стали общественные организации. После объединения в июле 1915 г. Земского союза и Союза городов в единую организацию предпринимается попытка выстроить «вертикаль снабжения»: Земгор — губернские комитеты — уездные комитеты.

Начало появлению на свет уездных комитетов Владимирской губернии было положено заседанием по вопросу о снабжении армии с участием председателей уездных земских управ, состоявшимся во Владимире 9 июля 1915 г. Они решили создать губернский комитет снабжения армии, органами которого на местах становились уездные комитеты. Это постановление было санкционировано чрезвычайным губернским земским собранием 24 июля 1915 г. Комитеты по снабжению должны были объединять усилия всех губернских организаций, содействующих снабжению армии. В их главную задачу входило выяснение, какие фабрики и заводы из действующих в уезде «еще не примкнули» к делу снабжения и какую продукцию они могут заготавливать для армии. С той же целью при губернском комитете снабжения создавалось Военно-техническое бюро. Образцы снаряжения должны были доставляться через владимирского голову Н. Н. Сомова и члена Государственного совета А. В. Ненарокова. Шуйский уездный комитет по снабжению армии всем необходимым был создан на заседании чрезвычайного уездного земского собрания 22 августа 1915 г. В него, кроме всего состава управы, вошли еще 16 человек. Впрочем, основная тяжесть работы ложилась на все тех же членов уездной управы, являвшейся исполнительным органом Шуйского уездного комитета по снабжению, и ее председателя П. В. Языкова²⁴. Лишь после того, как в начале 1916 г. в земскую управу стало поступать много заказов на изготовление предметов снабжения для армии, пришлось прибегнуть к помощи членов комитета. На заседании 3 февраля 1916 г. было решено распределить членов комитета следующим образом: за земским техником В. Н. Аляевым оставить организацию заказов, на помощника техника А. А. Мясникова возложить приемку телег, колес, снаряженных ящиков и втулок, а на члена комитета А. Ф. Волкова — упряжи, крестьянского сукна, кожи, валенок, сапог, чулок и саней²⁵.

Таким образом, на деле создание уездного комитета снабжения мало что изменяло. Попытка ввести единого заказчика в лице губернского комитета была во многом связана с тем, что уже с лета 1915 г. во многих отраслях стал ощущаться недостаток сырья — его можно было приобрести исключительно по удостоверениям «о работе на войну». Исходя из этого, в большинстве случаев приобретение его брала на себя сама губернская управа. Так, 22 ноября 1915 г. комиссия Шуйской управы осматривала железные «подреза» к 116 саням-розвальням, изготовленные кустарями уезда, и «нашла их устройство отвечающим всем требованиям». Железо для оковки этих саней (112 пудов) было предоставлено губернской управой.

²⁴ Журналы и доклады Шуйского уездного земского собрания 1915 года. Шуя, 1916. С. 272–277.

²⁵ Журналы заседаний уездного земского комитета по снабжению армии // ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3417. Л. 23.

До 9 января 1916 г. сани находились на дворе уездной управы в Шуе, после чего были сданы доверенному Земгора Б. Е. Жигачеву для отправки в Александрополь (ныне — Гюмри) на Кавказский фронт²⁶. В ноябре 1915 г. Шуйский комитет принял заказ на изготовление 500 тележных колес, причем все железо для них доставлялось через губернскую управу. Два месяца спустя шуяне жаловались во Владимир, что железо для колес пока так и не доставлено. В феврале 1917 г. Земгор запрашивал Шуйский комитет о возможности заказа, цене и сроках поставки 13 200 чугунных втулок для тележных осей. Однако исполнители условием сдачи заказа ставили доставку материала. Завод А. Г. Толчевского в Шуе сообщал, что может изготовить в марте и апреле по 500 втулок, в мае и июне — по 750, «при условии доставки вагона кокса»; а майдаковский завод А. Ф. Лепяхина мог доставлять по 1000 втулок в месяц «с условием доставки чугуна»²⁷.

Главным дефицитом в стране была кожа, острая нехватка которой стала ощущаться еще в 1914 г. В январе 1916 г. кожевенный завод М. Х. Киселева в Шуе взял на себя выработку для Земгора ежемесячно 260 штук (80–90 пудов) сырых кож по цене 12 руб. за пуд. Сырье поставлялось заказчиком. Киселев 21 января 1916 г. сообщал, что заказ принял, обещая доставить первые кожи через три месяца, необходимые для переработки. Кожи отпускались через Земский союз Московским порайонным кожевенным комитетом. Для получения сырья приемщик Шуйской уездной управы должен был обратиться к уполномоченному Земского союза В. А. Сатину. Готовый материал от Киселева поступал в губернскую управу для изготовления кожаных сапог. С целью приема первой партии (780 кож) в Москву 9 февраля 1916 г. с завода Киселева отправился служащий Я. Ф. Колобов. Первые 260 кож после их обработки на заводе были приняты во Владимире 6 июля 1916 г.²⁸ Таким образом, первой серьезной проблемой при изготовлении любой технически сложной продукции было сырье (металл и кожа), но уже в 1917 г. к этому добавились перебои с топливом. Второй проблемой при исполнении крупных заказов на сложные предметы снаряжения явилась нехватка рабочих. Их отток на небольших производствах особенно стал ощущаться начиная с осени 1915 г.

Еще при изготовлении первого небольшого комплекта бытовых повозок в сентябре 1915 г. дали о себе знать проблемы с соблюдением поставщиками сроков договора. И они сами, и их работники подлежали мобилизации, так что сроки поставок срывались. В январе 1916 г. губернская управа предложила шуянам взять заказ на 125 повозок вместе с упряжью. Уездный комитет, помня о сентябрьских проблемах, осторожно принял заказ на изготовление 100 телег. Заказ был немедленно распределен между кустарями уезда. Обязательство изготовить 90 телег взяли на себя 10 крестьян д. Никитинской и Власьева (каждый должен был изготовить от 5 до 15 повозок). Еще по 5 телег поставляли жители Иваново-Вознесенска — А. Т. Ухов и А. И. Гареев. Распределена была и работа над сбруей — она была доверена пяти крестьянам из Шуи и близлежащих деревень Камешкова, Кочнева и Се-

²⁶ Переписка об изготовлении предметов снабжения и вооружения для армии // Там же. Д. 3418. Л. 2, 30.

²⁷ Переписка по доставлению сведений о заводах и мастерских, изготавливающих конскую амуницию, втулки, колеса // Там же. Д. 3421. Л. 2, 9, 18.

²⁸ Переписка об изготовлении предметов снабжения и вооружения для армии // Там же. Д. 3418. Л. 57, 69, 89; Д. 3419. Л. 30.

мухина. Повозки со сбруей предполагались к приемке 1 апреля 1916 г., но к этому сроку было готово меньше половины партии (47 шт.). Владимирцы напомнили, что телеги «крайне нужны для отправки их на фронт», и назначили следующий срок приемки на 7 мая 1916 г. Однако и к этому времени заказ был не готов — объединенная комиссия 10 мая приняла лишь 79 повозок. Шуяне сообщали, что 15 телег из партии вовсе изготовлены не могут быть, так как «серьезно заболел» принявший заказ на них кустарь, а еще 6 повозок обещали доставить спустя 10 дней. В ответ они получили из Владимира раздраженное послание, гласившее, что «заказ был сдан не отдельным кустарям, а Шуйскому комитету в целом и ему надлежало передать повозки кустарям так, чтобы болезнь, как случайность, не могла отразиться на изготовлении их общего количества»²⁹.

Следует заметить, что работа служащих комитета не предполагала оплаты, представляя собой дополнительную нагрузку на работников земской управы. Вследствие этого особых стимулов к исполнению большего количества заказов у комитета не было, тогда как просчеты, подобные описанным выше, вызывали нарекания губернских властей. Вследствие этого неудачи с исполнением сложных заказов заставили Шуйский комитет относиться к ним более настороженно. Когда 29 января 1916 г. в Шую поступил запрос о возможности принять дубление 20 тыс. овчин, последовал однозначный ответ: уездные овчинные заводы уже заняты исполнением срочного заказа Земского союза на полушубки³⁰. Заказ этот был вызван тем, что, закупая овчины на рынках Монголии, Сибири, Туркестана и Кавказа, Земский союз не имел возможности обрабатывать их на месте. Аналогичная ситуация сложилась с крупным заказом на снаряжные ящики — 23 января 1916 г. шуяне сообщили во Владимир, что от заказа на изготовление 1224 ящиков отказываются «за недостатком рабочих рук»³¹. В дальнейшем Шуйский комитет получил два предложения — в январе 1916 г. В. Ф. Жильцов заявил, что согласен принять на себя поставку 5 тыс. ящиков для перевозки французских гранат до 1 августа 1916 г., а в апреле 1916 г. лесопильный завод И. Н. Волкова предлагал обеспечить ежемесячное изготовление 1 тыс. гранатных ящиков³², но эти заказы к ним уже не попали. Как видим, нехватка рабочих рук была серьезной проблемой многих поставщиков. Пришлось столкнуться с последствиями мобилизации даже работникам Шуйского комитета. В начале февраля 1916 г. комитет просил предоставить отсрочку земскому технику В. Н. Аляеву. «С призывом Аляева земский комитет лишается единственного специалиста-техника и становится в затруднительное положение по исполнению принятых на себя заказов, так как ему поручена организация и наблюдение за их выполнением», — писал глава управы П. В. Языков³³.

Как известно, все снаряжение для армии изготавливалось по утвержденным образцам, чертежи которых предоставлялись в уездный комитет сверху. При приемке следовало проверить соответствие изготовленного снаряжения чертежам или

²⁹ Переписка об изготовлении предметов снабжения и вооружения для армии // ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3418. Л. 49, 59, 60, 78, 148, 187, 193; Д. 3419. Л. 9.

³⁰ Дело о покупке через земство полушубков и других теплых вещей для армии // Там же. Д. 3426. Л. 58–60.

³¹ Переписка об изготовлении предметов снабжения и вооружения для армии // Там же. Д. 3418. Л. 70.

³² Там же. Л. 71, 175.

³³ Там же. Л. 87.

образцам, после чего оно считалось готовым к отправке в части. В противном случае поставщик должен был исправить замеченные недостатки и пройти повторную приемку. Подобный алгоритм изготовления применялся при работе над сложными предметами снаряжения: сбруя, телеги, сани, колесные втулки, снарядные ящики. Иное дело — предметы одежды. Если при изготовлении вышеперечисленного сложного снаряжения критически важные материалы (железо и кожа) доставлялись по нарядам, то при изготовлении одежды важным было качество сырья, выработавшегося на месте. Именно поэтому здесь уже уездный комитет должен был сначала предоставить заказчику образцы изделий, после чего можно было сделать вывод об их пригодности для использования в армии. Одновременно комитет сообщал о количестве и стоимости продукции, которую он брался поставить для армии. Например, 16 января 1916 г. Шуйский комитет направил во Владимир пять образцов крестьянского сукна для портянок. Предлагалось взять поставку белого сукна высшего качества по 45 коп. за аршин (всего 2250 аршин), а низших сортов по 35 коп. за аршин (4050 аршин). В конце марта 1916 г., направив во Владимир другие образцы, шуяне брались за поставку 28 тыс. аршин белого, 4 тыс. аршин темного (по 41 коп.) и 10 тыс. аршин белого сукна высшего сорта по 50 коп.³⁴

Аналогичным образом высылались и образцы шерстяных перчаток, причем уже не в губернскую управу, а напрямую заказчикам. Так, 1 февраля 1917 г. Шуйский комитет, высылая четыре образца перчаток двух сортов, сообщал Московскому военно-промышленному комитету, что может ежемесячно поставлять 2 тыс. пар первого сорта (по цене 90 коп.) и 9 тыс. пар второго сорта (по цене 75 коп.). Однако был получен ответ, что перчатки для поставки не подходят. Тем же завершилась история с образцами крестьянского сукна, высланного 16 февраля 1917 г. Шуйским комитетом Интендантскому управлению Двинского военного округа. Шуяне предлагали до июня обеспечить доставку 9 тыс. попон из крестьянского сукна присланного образца (9 руб. 25 коп.) сроком до 1 июня либо поставить 16 тыс. аршин сукна (по 90 коп. за аршин). В таком случае изготовление попон должно было принять на себя само Интендантское управление. При этом оговаривалось, что «сукно относительно присланного образца в выработке будет различное, но качество шерсти — одинаковое». Однако по качеству и цене это предложение также было признано неприемлемым³⁵. Таким образом, к началу 1917 г. вертикаль снабжения вновь оказалась нарушена. Причиной этого явно выступала не местная инициатива, а просьбы внешних организаций: в январе 1917 г. именно Московский военно-промышленный комитет просил шуян выслать ему образцы повозок, попон и перчаток с вопросами о количестве и цене.

Приемка происходила на дворе уездной управы. В акте обычно принимали участие 3–5 человек: 2–3 от Шуйского уезда и 1–2 представителя губернского комитета. Шуян представляли председатель управы П. В. Языков, техник А. А. Мясников и члены комитета снабжения Л. П. Важнов и А. Н. Дмитриевский. Из Владимира в первой половине года приезжали члены Военно-технического бюро А. Р. Войцеховский, Н. К. Бурба, Л. С. Фомин и А. А. Дмитриев. Начиная с июля 1916 г., после того как Шуйский комитет полностью перешел на заготовку перчаток и олучного

³⁴ Там же. Л. 53, 153.

³⁵ Переписка о снабжении армии сукном и перчатками // Там же. Д. 3420. Л. 31, 35, 38.

сукна, из губернской столицы на приемку приезжал только служащий губернского земства по приему теплых вещей С. И. Климов. Впрочем, в целом ряде случаев присутствие гостей из губернии оказывалось необязательным — в мае 1916 г. 33 повозки приняли по двум актам только шуяне, а июне два акта по приему сукна и перчаток также прошли без участия владимирцев. После приемки снаряжение обычно оставалось на складе во дворе управы. Единственный раз, после приема 11 марта 1916 г. 150 тележных втулок, 100 из них сразу были отправлены в Гороховец в экипажную мастерскую Ф. П. Основа³⁶.

В актах на сложные виды снаряжения могли отмечаться испытания, произведенные членами комиссии. Например, в отношении упоминавшихся выше втулок «были произведены осмотры всех, а равно поверены размеры втулок, причем оказалось, что материал, отливка и обработка удовлетворительны» (далее отмечались пределы колебания размера деталей). При приеме кожаной сбруи осматривался каждый ее предмет «со стороны качеств материалов, размеров, прочности, правильности сшивок и сращивания, проверена наличность всех предметов». В заключение акта делался вывод о годности или негодности партии, перчатки разделялись по сортам. Однако после прибытия на армейские склады или в части снаряжение ждала еще и интендантская приемка. Сбой мог произойти на любой стадии этой производственной цепочки, о чем и свидетельствуют документы Шуйской управы. Первый крупный сбой произошел с партией в 32 повозки, отправленных на фронт в конце мая 1916 г. Они были осмотрены в Минске 1 июня 1916 г. представителем хозяйственного отдела Комитета инженерно-строительных дружин Западного фронта А. В. Туляковым в присутствии доверенного Главного комитета снабжения Г. Г. Балакина. В результате оказалось, что на некоторых из них имеются надломы в деревянных частях, поскольку дерево при изготовлении использовано «не просто недоброкачественное, а местами прямо гнилое». Ревизоры сделали вывод, что эти повозки непригодны для перевозки тяжестей.

Второй осмотр был проведен в Москве 3 июня 1916 г. уполномоченным Главного комитета снабжения и заведующим обозным отделением. Он оказался самым подробным — проверяющие назвали более двух десятков недостатков. Они отмечали, что вся партия повозок изготовлена из сырого леса, в брусках кузова и на оглоблях много трещин, а на некоторых ступицах — даже сквозные щели. Окраска телег была исполнена «не в один цвет и неправильна», шины сильно ослабли, оковки сделаны «очень неаккуратно, из старого железа весьма плохого качества, на многих местах виден непровар». На кольцо одной из ступиц железо свободно крошилось рукой. Не удовлетворили проверяющих и колеса — передние были «разного размера и очень малы, что крайне неудобно при езде по плохой дороге». Вывод был однозначен — «вся партия повозок, исполненная из недоброкачественных материалов и плохой работы, не может быть признана соответствующей своему назначению». После этого повозки вернулись в Шую — их доставил 6 июня 1916 г. Б. Е. Жигачев.

Очередной осмотр был произведен уже без участия армейских представителей, соединенными силами комитетов снабжения — Шуйского, Владимирского и Глав-

³⁶ Акты осмотра и приемки упряжи, повозок и перчаток, доставленных для нужд армии // ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 4323. Л. 1–31.

ного (от которого в город были командированы заведующий шанцевым отделением Л. Г. Кифер и техник А. М. Матросов). Осмотр был проведен 6 июня 1916 г. Комиссия признала, что отмеченные в предыдущих актах недостатки в повозках действительно имеются, но только на некоторых из них и вовсе не являются общими для всей партии. Они были признаны технически устранимыми, так что следовало передать повозки кустарям для исправления, после чего их следовало предъявить к сдаче вторично. Однако Владимирская управа 15 июня 1916 г. вынесла свой вердикт — повозки от Шуйского комитета не принимать. В течение месяца вся партия стояла на дворе уездной управы, после чего о желании приобрести телеги заявил хозяин известной экипажной мастерской в Иваново-Вознесенске В. И. Кулаков. Все полагали, что они необходимы ему для продажи частным лицам. Однако оказалось, что Кулаков договорился о поставке партии в 30 повозок с Главным комитетом Земгора. В результате представитель Главного комитета П. И. Калинин забрал повозки прямо со двора земской управы, где они стояли, без всякого ремонта. Причем он уплатил Кулакову за повозку по 165 руб., тогда как Шуйский комитет поставлял их на фронт по цене в 125 руб.³⁷ В результате частный поставщик, вообще не имевший отношения к изготовлению повозок, получил 1200 руб. прибыли, поставив Земгору некачественное снаряжение.

История с партией шуйских телег, случившаяся в мае — июле 1916 г., лучше всего свидетельствует о неразберихе с поставкой предметов сложного снаряжения. Четыре разные комиссии так и не смогли окончательно решить, пригодны ли эти повозки для использования на фронте. В результате губернская управа почла за лучшее вовсе забраковать партию. В конечном итоге Главный комитет снабжения приобрел те же повозки через частное лицо, да еще и с 25-процентной наценкой.

Впрочем, история с повозками была далеко не единственным сбоем при приемке снаряжения, изготовленного по заказам Шуйского комитета. В середине ноября 1915 г. Шуйский комитет принял заказ на изготовление 530 тележных колес до 1 марта 1916 г. Подряд на них получил знакомый нам по предыдущей истории хозяин экипажной мастерской В. И. Кулаков. Материал для изготовления спиц, ступиц и ободьев был закуплен Кулаковым по специальному разрешению Московского порайонного комитета в Ярославской губернии. У поставщика не нашлось колесных ободов того размера, который был указан в чертеже, и ему пришлось закупить их, выбирая «лучшей толщины и ширины» из всех имевшихся. Он изготовил образец колеса с использованием этого материала и отправил его на «свидетельство» в Шуйский комитет снабжения. Через некоторое время он получил сообщение, что образец одобрен и принят. После этого началась работа, так что к январю 1916 г. было изготовлено уже более 100 колес. И тогда внезапно поставщик получил бумагу с инструкцией, запрещающей возможные отступления от чертежа. Затем его посетил представитель губернского комитета, инженер А. Р. Войцеховский, который дал еще несколько указаний, не отмеченных ни в чертежах, ни в инструкции, и признал его колеса к поставке негодными. Кулаков должен был исправить их. Окончательная приемка была назначена на 5 марта 1916 г., в ней приняли участие

³⁷ Переписка о снабжении армии предметами снаряжения и оборудованием // Там же. Д. 3419. Л. 23, 25, 33, 44, 46; Акты осмотра и приемки упряжи, повозок и перчаток, доставленных для нужд армии в уездный комитет // Там же. Д. 3423. Л. 28, 34, 36.

тот же А. Р. Войцеховский и В. Н. Аляев. Было отмечено, что ступицы на колесах Кулакова «имеют много продольных трещин», а обод «недопустим по размерам»³⁸.

Вся партия была забракована. Кулакову предлагалось вернуть аванс в 1 тыс. руб., уплаченный ему управой, а также дать объяснения относительно недопустимого расхода ценного железного материала. В объяснении от 24 января 1916 г. обиженный предприниматель излагал всю историю с заказом колес. Он отмечал, что при приемке 5 марта так и не получил от ревизоров окончательного ответа — они велели ему временно прекратить работу, захватили образец колеса и отбыли во Владимир. Теперь он оказывался в огромных убытках — ведь им было изготовлено более 200 колес, на что истрачено не менее 4 тыс. руб. (закупка материала и зарплата рабочим). Он объяснял, что ободов шире и толще использованных им в настоящее время на рынке нет, так что соблюсти условия инструкции не имелось никакой возможности. Относительно же некоторых отступлений от чертежа Кулаков отмечал, что экипажные мастера не придают этому большого значения — «было бы колесо действительно в работе и отвечало бы своему прямому назначению». Он готов был дать гарантию на работу своих колес в течение года. Поскольку в данное время армия нуждалась в снабжении всем необходимым, предприниматель жертвовал сделанные, но не принятые колеса военному ведомству. «Вполне уверен, что не принятые и забракованные комиссией колеса будут великолепно работать», — писал он. В обмен он просил отсрочить возвращение задатка хотя бы на месяц. Впрочем, после некоторых раздумий, от возвращения аванса он вовсе отказался. В следующем письме (от 14 сентября 1916 г.), вновь перечисляя свои убытки, Кулаков прямо грозил комитету судом, считая его действия по отношению к поставщику «несправедливыми»³⁹. Таким образом, вся колесная партия оказалась негодной. В жертвовании Кулакова не было смысла, поскольку комитет не мог поставить армии колеса, забракованные губернской комиссией. А вот сам поставщик вполне мог найти на них покупателя, как он проделал это с партией телег в июле 1916 г.

Следующая история с забракованной партией снаряжения завершилась более удачно, хотя и отняла в Шуйского комитета снабжения немало усилий и времени. В ноябре 1915 г. шуяне приняли заказ на изготовление 1224 ящиков для французских гранат. Он был передан мастерской бумаготкацкой фабрики Дуниловской мануфактуры. Она изготовила 408 ящиков, которые были приняты в декабре 1915 г. командированным из Владимира инженером А. Р. Войцеховским. Однако в конце декабря владимирцы просили выслать им один из этих ящиков в качестве образца. Он был осмотрен 27 января 1916 г. с неутешительным итогом — дно и крышка оказались изготовлены из досок разной толщины, в том числе более тонких, чем допустимо. Как сам ящик, так и перегородки в нем прочностью не отличались и, по мнению владимирского инженера Н. К. Вереина, к поставке приняты быть не могли. Таким образом, работа над заказом была приостановлена. Шуяне сообщили, что согласны сделать необходимые исправления, но поставщик, судя по всему, охладел к сделке. В конце апреля владимирцы напомнили, что излишняя задержка

³⁸ Переписка о снабжении армии предметами снаряжения и оборудованием // ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3418. Л. 147–150.

³⁹ Переписка об изготовлении предметов снабжения и вооружения для армии // Там же. Л. 95, 123, 147–150; Переписка о снабжении армии предметами снаряжения и оборудованием // Там же. Д. 3419. Л. 82, 84.

в переделке может привести к тому, что ящики будут не приняты. Тогда шуяне просили командировать инженера губернского комитета для инструктажа непосредственных производителей. К 10 марта 1916 г. на двор управы, где и хранились ящики, явился из Владимира инженер А. Р. Войцеховский, а из Дунилова — фабричный столяр. Однако последний не был снабжен ни инструментом, ни материалом, так что получил только устные указания и отбыл обратно.

Поскольку окончательная приемка была назначена на 30 марта, за четыре дня до этого Шуйский комитет просил дуниловцев прислать четырех рабочих и двух столяров для исправления ящиков. Никто из них в Шую так и не прибыл, так что официальная приемка 31 марта 1916 г. ожидаемо провалилась. Шуяне сообщили в Дунилово, что ящики необходимо переделать «согласно прилагаемому чертежу и акту осмотра» (срок сдачи заказа был продлен до 1 мая). Мизерная сумма заказа (1020 руб.) отнюдь не могла стимулировать поставщика продолжить работу над ящиками. 20 апреля 1916 г. из Дунилова пришло сообщение, что они жертвуют 408 ящиков на нужды войны в том виде, как они сданы, а от переделки отказываются. На запрос относительно застрявшей в Шуге партии ящиков Главный комитет снабжения сообщил, что при условии исправления ящиков в «возможно кратчайшее» время (не более 3 мес.) они могут быть приняты по прежней цене. Пришлось направить их для переделки в тейковскую мастерскую Т. В. Молявина. В середине сентября 1916 г. он сообщил, что исправлена последняя партия в 95 ящиков. Остальные, по его словам, были уже приняты губернской комиссией и отосланы в Москву. Шуяне всполошились — никаких сведений о приемке прежней партии ящиков у них не имелось. Они подозревали тейковского мастера во лжи, однако оказалось, что его утверждения соответствовали действительности. Ему просто оказалось легче войти в соглашения с губернским комитетом без участия уездного, который оказался об этом даже не осведомлен⁴⁰.

История с ящиками свидетельствует, насколько разными оказывались требования у разных проверяющих даже в одном Комитете снабжения. Кроме того, она иллюстрирует недобросовестность поставщиков, ставившую в трудное положение уездный комитет, вынужденный так или иначе сбывать с рук неисправное снаряжение. Наконец, трудно не заметить в этой истории признаки коллапса связи и управления, как и в истории с партией телег, приведенной нами выше.

В конце января 1916 г. Шуйский комитет сообщал, что на его исполнении находятся заказы на чугунные втулки для колес (375 руб.), снарядные ящики (1020 руб.), сукно для портянок (1125 руб.), колеса военного образца (12 500 руб.), повозки (12 500 руб.) и комплекты сбруи (8500 руб.)⁴¹. Нетрудно заметить, что большинство этих заказов окончились для шуян серьезными проблемами. Во многом вследствие этого Шуйский уездный комитет в 1916–1917 гг. сосредоточился на заготовке предметов, вырабатываемых в крестьянских хозяйствах, а не крупных мастерских, — онучного сукна и шерстяных перчаток. Еще в середине июля 1915 г. Земский союз сообщал, что ему необходимо заготовить для армии не менее 2 млн шерстяных пер-

⁴⁰ Переписка об изготовлении предметов снабжения и вооружения для армии // Там же. Д. 3418. Л. 46, 99, 113, 124, 166, 178; Переписка о снабжении армии предметами снаряжения и оборудованием // Там же. Д. 1419. Л. 48, 51, 75.

⁴¹ Переписка об изготовлении предметов снабжения и вооружения для армии // Там же. Д. 4218. Л. 62.

чаток (с приложением их подробного описания). В январе 1916 г. шуяне получили подробные рисунки перчаток, чулок и валяных сапог с указанием заготовочных цен. Тогда же Владимирская управа направила в Шую первый заказ на выработку портяночного сукна для армии — до 1 февраля необходимо было поставить 1 тыс. аршин сукна шириной от 8 до 8,5 вершков по цене 75 коп. за аршин. Заказ был выполнен успешно, причем шуяне поставили на 60 % больше — 1605 аршин сукна по 75 коп. В феврале Владимирскому комитету было отправлено 2888 аршин сукна по 36 коп. за аршин, а с мая по октябрь — 10 514 аршин сукна по 45 коп. (всего на сумму около 7 тыс. руб.). В ноябре 1916 г. был исполнен заказ на сукно от губернской землеустроительной комиссии — поставлено 1535 аршин по цене 90 коп. Поставка перчаток началась с июня 1916 г. — всего до конца года Владимирский комитет получил 23 528 пар перчаток по цене 37,5 коп., 5 тыс. пар по цене 41 коп. и 9799 пар по цене 45 и 55 коп. По заказу Землеустроительной комиссии в ноябре была поставлена 1 тыс. пар перчаток по 45 коп. Таким образом, в течение года шуяне поставили перчаток на 16 222 руб., а сукна — на 8252 руб.⁴²

Заказы перчаток и сукна распределялись между крупными поставщиками, которые скупали эти предметы по деревням уезда у крестьян. Большую часть перчаток доставляли в управу А. И. Добычин и Д. Н. Барехов, принимали участие в поставках также П. К. Барсов, С. В. Болотов и П. А. Мольков. Последний доставлял также большую часть крестьянского сукна. В редких случаях перчатки могли закупаться и на базаре членами комитета (в приемном акте от 12 июля 1916 г. упоминаются 989 пар перчаток с базара), но подавляющая часть доставлялась поставщиками. Это было и преимуществом, и проблемой Шуйского комитета: письменные договоры с крупными скупщиками, как правило, не заключались, а рыночные цены вследствие общей инфляции имели тенденцию к резкому росту. Так, 5 марта 1916 г. Владимирская управа просила Шуйский комитет принять заказ на изготовление 10 тыс. аршин портяночного сукна по 42 коп. и 70 тыс. перчаток из мягкой шерсти по 37 коп. за пару. Шуяне проявили осторожность: если заказ на сукно был принят полностью, то на перчатки — лишь частично (на 20 тыс. перчаток). Причем всю партию сукна должен был поставить один скупщик — П. А. Мольков. Сначала он назначил ее стоимость в 50 коп. за аршин. На это губернский комитет не пошел, и тогда Мольков лично отправился на переговоры с заведующим кустарным делом во Владимире В. Д. Крашенинниковым, в результате чего и была достигнута договоренность об увеличении закупочной цены на сукно до 45 коп. А вскоре шуяне просили об увеличении заготовочной цены и на перчатки. 27 мая 1916 г. Владимирский комитет дал добро на увеличение их стоимости до 37,5 коп. за пару⁴³.

Между тем портяночного сукна требовалось все больше и больше. В начале апреля 1916 г. Владимирская управа просила шуян принять заказ на поставку крестьянского сукна до 42 тыс. аршин по средней цене 45 коп. Первоначально шуяне приняли заказ, договорившись с поставщиком В. А. Козловым, но письменного договора с ним подписано не было, так что вскоре поставщик просто отказался от заказа, продав сукно на сторону частным покупателям по более высокой цене.

⁴² Переписка по доставлению сведений о заводах и мастерских, изготавливающих конскую амуницию, втулки, колеса // ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3421. Л. 3–4.

⁴³ Переписка о снабжении армии предметами снаряжения и оборудованием // Там же. Д. 3419. Л. 19.

Уездному комитету пришлось от заказа отказаться. В связи с этим в июле 1916 г., представляя в Шуйский уезд заказ на поставку до октября 50 тыс. пар перчаток, губернская управа требовала от комитета заключать с поставщиками договоры, обусловленные неустойкой. Проблемы с закупочными ценами продолжались и в дальнейшем — в начале октября 1916 г. шуяне сообщали во Владимир, что о приобретении сукна ввиду низкой цены пока договориться не удалось. Они предлагали поставить 1500 аршин сукна по 90 коп. за аршин — и землеустроительной комиссии пришлось принять условия уездных поставщиков⁴⁴. В конце года пришлось увеличить цену и на перчатки — поставщики отказывались поставлять их по цене 45 коп. за пару. В октябре 1916 г. Шуйский комитет взял заказ на поставку 9 тыс. пар перчаток по цене 55 коп. за пару (до 15 декабря). Однако вскоре ценовая конъюнктура изменилась — к концу ноября по цене 55 коп. было принято уже 3 тыс. перчаток, а остальную часть поставщики были согласны продать лишь по 65 коп. за пару⁴⁵.

Эти проблемы привели к тому, что в январе 1917 г. шуяне явочным порядком попытались ввести на территории уезда ограничения по скупке сукна и перчаток для продажи в частные руки. 17 января 1917 г. уездный исправник получил уведомление о запрещении скупки портяночного сукна всем лицам, не имеющим удостоверений от уездного комитета. В тот же день началась и выдача удостоверений. Так, крестьянин Семеновской волости Н. Г. Коровайков взял от комитета заказ с 17 января по 1 февраля 1917 г. на 2 тыс. аршин онучного сукна для нужд армии, виду чего комитет предоставил ему право скупки данной партии сукна. Вскоре нашелся и первый виновник — крестьянин с. Пестяки М. А. Кузьминов, отказавшийся поставлять сукно и перчатки для армии, продолжавший закупать их у крестьян в пределах уезда для продажи «по очень повышенной цене в частные руки». В связи с этим Шуйский комитет просил исправника запретить ему скупку. Лишь неделю спустя после введения явочным порядком этих мер шуяне обратились в официальные инстанции. 22 января 1917 г. просьба предоставить Шуйскому комитету исключительное право скупки онучного сукна и перчаток на территории уезда была направлена в губернскую управу. Она объяснялась тем, что уездному комитету, связанному договорными условиями на поставки, трудно конкурировать с частными перекупщиками⁴⁶.

Надо заметить, что несмотря на то, что при поставках сукна и перчаток приемка губернского комитета считалась окончательной, это не всегда избавляло от последующих проблем с интендантским начальством. Так, приняв 12 ноября 1916 г. перчатки от Шуйской управы, заготовительный отдел Главного комитета снабжения сообщал о недостатке 122 пар, а еще на 1590 просил сделать скидку 10 коп. с пары «за грубость шерсти, редкую вязку и маломерность». Шуяне отвечали, что при приемке в уезде перчатки упаковывались в тюки, перевязывались веревкой и клеймились сургучной печатью, так что недостача ложится исключительно на железную дорогу. Что касается понижения цены, то оно абсолютно невозможно: перчатки и так поставлялись по цене в 45 коп., значительно ниже существующей рыночной. Когда в начале января 1917 г. сообщение о нехватке 19 пар перчаток

⁴⁴ Там же. Л. 49, 59, 91, 93.

⁴⁵ Там же. Л. 113, 123, 124.

⁴⁶ Переписка о снабжении армии сукном и перчатками // Там же. Д. 3420. Л. 12, 16–18, 30.

из партии в 100 пар пришло от Покровского уездного воинского начальника, шуяне вновь сообщили, что в настоящее время подобные инциденты являются обыденным явлением. «Железная дорога не отвечает в военное время за ценность багажа, и Комитету постоянно приходится получать сообщения о недостатке мест, несмотря на крайне тщательную упаковку и пломбировку», — оправдывались они⁴⁷.

В начале 1917 г. Шуйский комитет продолжил поставку для армии перчаток и портяночного сукна. Всего в январе и феврале 1917 г. от разных поставщиков (кроме перечислявшихся выше, добавились И. Н. Удалов, Н. Г. Коровайков, М. А. Кузьминов, А. А. Даманова и Ф. Е. Воронин) было принято 16 652 аршин сукна по цене от 75 до 80 коп. на сумму 13 046 руб.⁴⁸ Доставлялось оно каждым из поставщиков в несколько приемов, партиями от 132 аршин (Ф. Е. Воронин, 14 февраля 1917 г.) до 2286 аршин (И. Н. Удалов, 24 января 1917 г.)⁴⁹. Судя по всему, шуянам действительно удалось добиться прекращения скупки онучного сукна для продажи на сторону — теперь все поставщики работали исключительно на уездный комитет. Экстренные меры помогли добиться и удачного заказа перчаток — всего по 44 коп. за пару. Эту партию 9 марта 1917 г. комитету доставил А. И. Добычин. Уже на следующий день шуяне с радостью сообщали во Владимир, что этот заказ выполнили и обязываются по прежним ценам поставить еще 5 тыс. пар перчаток к 1 августа 1917 г. Таким образом, угроза вовсе лишиться права скупки в уезде заставила поставщиков пойти на условия Шуйского комитета. В то же время трудно полагать, чтобы они сдавали для армии весь приобретенный материал. Часть его явно уходила на сторону, вследствие чего объемы поставок сравнительно с предыдущим годом несколько сократились.

Подводя итоги разбора участия Шуйского уезда в организации вещевого снабжения армии в 1914–1917 гг., можно отметить, что в течение первого года войны поставки велись без создания специальных организаций. Сформировавшая их губернская земская управа работала напрямую с крупными поставщиками и кооперативами, поэтому номенклатура вырабатываемых вещей была сравнительно скудна, участие Шуйского уезда в снабжении армии ограничивалось выработкой полушубков. Наладить эти поставки было сравнительно легко, поскольку в уезде существовала целая сеть кооперативов, овчинно-шубных артелей и крупных скорняжных предприятий. Ситуация изменилась летом 1915 г., когда стало ясно, что необходимо более широкое использование сил крестьянской промышленности.

В июле — августе 1915 г. в губернии создается сеть Комитетов снабжения армии. Причем члены Шуйского комитета фактически не занимались вопросами о выработке полушубков. Эти каналы поставки были уже налажены и замкнуты на губернскую управу. Роль уездного комитета в данном случае сводилась лишь к участию в приемке полушубков. Зато комитет привлекался для обработки заказов на сани, телеги, втулки, колеса, снаряженные ящики. Реальный же опыт исполнения этих заказов показал, что административно-технологическая цепочка заготовки сложных предметов снаряжения постоянно дает сбои практически в каждом звене — от деятельности самого уездного комитета до приемки готовых изделий в действующую

⁴⁷ ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3420. Л. 1, 4, 8, 15.

⁴⁸ Переписка по доставлению сведений о заводах и мастерских, изготовляющих конскую амуницию, втулки, колеса // Там же. Д. 3421. Л. 20–21.

⁴⁹ Счета на принятое для армии онучное сукно и перчатки // Там же. Д. 3628. Л. 1–30.

щей армии. Все это привело к отказу от работы над сложными заказами: с лета 1916 г. Шуйский комитет переходит к доставке в армию исключительно портяночного сукна и шерстяных перчаток как массовых изделий, не требующих серьезных технологических испытаний. Но и здесь к концу 1916 г. начинают появляться проблемы — поставщики просто отказываются работать по предъявляемым им ценам, предпочитая продавать закупленный товар на сторону. В результате в начале 1917 г. шуяне прибегают к радикальным мерам: скупка в уезде крестьянского сукна и перчаток для последующей продажи в частные руки попросту запрещается. Скупщики оказываются вынуждены пойти на навязанные им условия, но объемы их поставок при этом стремительно падают.

В целом, детальный анализ работы Шуйского комитета снабжения показывает разлад и несогласованность в работе как местных, так и центральных органов снабжения армии в 1914–1917 гг. За исполнение заказов Главного интендантского управления боролись государственные органы (отдел сельской экономики ГУЗиЗ) и общественные (Земгор). Например, в апреле 1915 г. ГУЗиЗу было передано исключительное право на заготовку шерстяных изделий для действующей армии⁵⁰. Попытка выстроить единую вертикаль снабжения, предпринятая в июле 1915 г. (Земгор — губернские комитеты снабжения — уездные комитеты), к серьезным успехам не привела, поскольку сохранялась альтернативная вертикаль: ГУЗиЗ — губернская землеустроительная комиссия — уездный комитет снабжения. Каждое ведомство предлагало собственные условия по цене изделий, объему заказа и организации поставки сырья. В результате кустари, являвшиеся главными поставщиками небоевого снаряжения, могли с успехом лавировать между разными ведомствами, выбирая наилучшие условия, а в крайнем случае имели возможность сбыть свою продукцию и частным покупателям. Зачастую они стремились избежать длинной административной цепочки, работая сразу с непосредственными заказчиками. В результате уездный комитет исполнял ряд заказов непосредственно для определенных воинских частей.

Уездные комитеты нередко игнорировали территориальную ограниченность, работая с поставщиками из других уездов. На каждом уровне возникали разногласия в определении пригодности для использования того или иного изделия. Как с прискорбием констатировал Главный комитет снабжения в одном из своих циркуляров от 30 января 1916 г., в работе губернских и уездных комитетов снабжения «наиболее дает себя чувствовать недостаточная осведомленность о ходе дел, продовольственном состоянии, транспорте и прочих вопросах на местах, в отсутствие информационного материала»⁵¹. Тем не менее следует заметить, что мелкая промышленность с помощью Земгора вполне успешно справлялась с заготовкой изделий для интендантского ведомства. По некоторым видам продукции (веревки, мешки, торбы для овса) процент выполнения заказов достигал 80–100 %. В то же время изготовление более сложных изделий вызывало серьезные проблемы: средний показатель выполнения заказов военно-технического ведомства к началу

⁵⁰ Тарновский К. Н. Организации мелкой промышленности в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1981. № 8. С. 21.

⁵¹ Копии циркуляров Главного комитета по снабжению армии предметами снаряжения // ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3405. Л. 3.

1916 г. составлял 28,4%, а артиллерийского — всего 6,6%⁵². Причины были очевидны, и их можно ясно видеть на примере работы Шуйского уездного комитета: слабый обмен информацией и недостаточные мощности местной промышленности. Параллелизм работы государственных и земских органов снабжения армии создавал нервозную обстановку, их работникам, не стимулированным к эффективному распределению сложных заказов, было легче отказаться от них. В результате управление на местах явилось камнем преткновения для эффективной организации вещевого снабжения российской армии в 1914–1917 гг.

References

- Akimova G. S. Rossiiskaia burzhuziia v gody Pervoi mirovoi voiny (deiatel'nost' Zemgora). *Voprosy istorii*, 1974, no. 10, pp. 66–79. (In Russian)
- Belova I. B. *Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia provintsiiia (1914 — fevral' 1917 g.)*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2011, 283 p. (In Russian)
- Golovin N. N. *Voennye usiliia Rossii v Mirovoi voine*. Paris, Association of United Publ., 1939, vol. 2, 242 p. (In Russian)
- Kartashova M. V. Gosudarstvennye voennye zakazy kustariam v Rossiiskoi imperii kontsa XIX — nachala XX vv. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky*, 2017, no. 5, pp. 23–30. (In Russian)
- Maiorov A. A. *Deiatel'nost' Zemgora po okazaniiu pomoshchi russkoi armii v gody Pervoi mirovoi voiny*. PhD abstract (History). Orel, [s. n.], 1997, 24 p. (In Russian)
- Os'kin M. V. Veshchevoe snabzhenie russkogo soldata v period Pervoi mirovoi voiny: klimat i voennaia forma v okopak. *Istoriia povsednevnosti*, 2019, no. 1, pp. 54–65. (In Russian)
- Pogrebinskaya V. A. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* Moscow, INFRA-M Publ., 2005, 207 p. (In Russian)
- Sapon V. P. Nizhegorodskaia derevnia v gody Pervoi mirovoi voiny: dofevral'skii period (po materialam gazety "Nizhegorodskii listok"). *Russian peasantry and the First World War*. Moscow, Ippolitov Publ., 2016, pp. 372–382. (In Russian)
- Scott J. S. Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I. *Slavic Review*, 2000, vol. 59, issue 2, pp. 290–315.
- Senin A. S. Organizatsiia snabzheniia russkoi armii vooruzheniem i boepripasami v gody Pervoi mirovoi voiny. *20th century and Russia: society, reforms, revolutions*, 2014, no. 2, pp. 63–79. (In Russian)
- Shigalin G. I. *Voennaia ekonomika v Pervuiu mirovuiu voinu*. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Publ., 1956, 332 p. (In Russian)
- Shubin N. A. *Problemy snabzheniia russkoi armii v usloviakh Pervoi mirovoi voiny. Opyt vzaimodeistviia gosudarstva i obshchestvennykh organizatsii (1914–1917 gg.)*. PhD abstract (History). Moscow, [s. n.], 1997, 25 p. (In Russian)
- Tarnovskii K. N. Organizatsii melkoi promyshlennosti v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny. *Voprosy istorii*, 1981, no. 8, pp. 17–33. (In Russian)
- Valiaev Ja. V., Ganzhov E. A., Moshkin A. N. Sistema prodovol'stvennogo snabzheniia rossiiskoi armii v gody Pervoi mirovoi voiny (avgust 1914 g. — fevral' 1917 g.). *Via in tempore. History. Political science*, 2017, no. 22, pp. 139–146. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 15 октября 2022 г.

Рекомендована к печати 30 января 2023 г.

Received: October 15, 2022

Accepted: January 30, 2023

⁵² Акимова Г. С. Российская буржуазия в годы Первой мировой войны (деятельность Земгора) // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 72.